НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Где мое сердце?

Священник Андрей Мизюк — о дороге к Пасхе



Фото: Андрей Мизюк

10:52, 12 апреля 2026,

Андрей Мизюк

священник

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

Хроники Страстной на Светлой

Я не оговорился. Страстная седмица началась у нас как раз со Светлой Пасхальной недели в Армянской апостольской церкви. 5 апреля армяне праздновали Пасху, ну а мы освящали пальмовые ветви. Вербу здесь почти не встретишь. Как раз в эти самые дни я оказался безлошадным. Мой рабочий инструмент, он же офис, он же творческая лаборатория, он же друг суровых дней, запросил помощи по ходовой. В общем, пришлось оставить в покое «электрожелезного» коня и ждать наступающей рабочей недели. Службы, впрочем, никто не отменял, а поэтому я вспомнил, что в Ереване действует метро, а заодно и понял, как расплачиваться в автобусе. Это у меня не от жиру, конечно, не то чтобы я был далек от народа и сидел в машине, пока многие пользуются общественными перевозчиками. Я и сам перевозчик. Работа в такси самая распространенная и самая народная. Так что, не далек я от народа.

Суббота

Суббота, вечер на Вход Господень — время всенощной. Мы служим днем. Отопления в храме нет (а в каменном помещении после зимы весьма промозгло), поэтому оно у нас естественное, в виде солнца. Армянская опция «300 солнечных дней» пока еще включается только в виде ярких, теплых трейлеров, но быстро переходит в дожди и прохладные ветреные дни. Поэтому пока еще прогрев не окончательный. Но если все же солнышко выглянуло, то везде благодать и ощущение полета. Весна в Армении капризна. Но ей, как и любой настоящей армянской красавице, «абы в чем» выйти на люди не положено. Поэтому слегка задерживается, но звонкими птичьими трелями уверенно сообщает: скоро, ждите! На праздничной литии освящаем масло, вино и пшеницу. А еще хлеба, которые испекла своими руками служащая на клиросе монахиня…

А потом автобус, невеселые, но и небезнадежные диалоги с попутчиком из храма. О времени, о событиях, о жизни. Закатное небо пронзительно. На Арарате видны тени в его библейских, не от мира сего, снегах. Автобус едет дальше в центр, Ереван зажигается вечерними огнями и оживает своей вечерней жизнью. Совсем уже другой. В этот вечер во всех армянских храмах поют и славят Воскресение Христово, и уже скоро по вечерним улицам потянутся люди с красными лампадами и огоньками в них.

Жизнь побеждает смерть. И кому как не этим людям знать цену этой победе. Поэтому полны храмы, поэтому такой свет лампад на этих лицах. В которых память и боль многих поколений, но и снова свет… Свет отчаянной надежды и веры в то, что жизнь будет. Побродите пасхальным вечером в Ереване, посмотрите на выходящих из храма и забудьте о своих горестях. С вами их разделит каждый, кто идет дорогой их храма. Как свои.



Фото: Андрей Мизюк

Вербное воскресенье

Мы служим рядом с большим армянским храмом в пригороде. Точнее, на его территории. Еще точнее — в помещении армянского храма, который некогда, больше трех десятилетий назад, попросил оставить за грузинским приходом отошедший ко Господу совсем недавно грузинский патриарх Илия. Так он и остался. В пригороде Еревана. По дороге на юг. С вечным спутником в виде Арарата справа.

Служба быстро и легко проходит, наши соседи готовятся к утреннему Пасхальному богослужению, а мы разбегаемся по нашим воскресным делам в ожидании понедельника. В этот день я еду крестить. На дому, такова была просьба. Так и случилось. Первый раз в своей жизни совершал крещение в Эчмиадзине. Нет, конечно же, не в монастыре, даже не в храме.

Дома. Но если задуматься, а? Город Вагаршапат, на территории которого стоит на весь мир известный монастырь…

Точнее так: монастырь Эчмиадзин, вокруг которого вырос и зажил город. Когда-то, кажется, давно, вне времени. Все это еще лет десять назад для меня Эчмиадзин был чем-то таким мифическим, о чем с благоговейным придыханием говорили знакомые армяне, что я, как мне казалось, вовсе и не увижу никогда. Вспоминал об этом и удивлялся. И уж тем более разве я мог подумать, что буду совершать крещение здесь, рядом с этим местом. Спешу заметить, кстати, что нет, это был не армянский ребенок. Так что прозелитизм не засчитан.

Ехал обратно на такси. Было тяжеловато. Я и сам уже больше полутора лет в такси, поэтому ощущения себя не за рулем не из лучших. Зато было время смотреть в окно и снова видеть справа Арарат. В тот день совершенно неземной, в лучах сияющего солнца, в своих древних славе и силе. И не передаст того зрелища ни кисть, ни фотокамера смартфона. И никогда не устанет глаз, а ум не вместит. Да и не надо. Есть время, когда сердцу д*о*лжно радоваться. Чтобы, когда око ослабнет или придет в негодность, все сложенное в сердце было воспето с благодарностью за жизнь и то, что в ней есть дивного и хорошего. Кажется, это именно то, что мы однажды сможем забрать с собой.



Вербное воскресенье (Цахказард — «Украшенный цветами») в Армении. Фото: yerevan.today

День воскресный убегает в тихий, солнечный закат. В нем покой и радость и еще одно удивительное, разрывающее сердце ощущение очередного разделения времени. В котором едва начавшаяся Светлая неделя вновь возвращается к скорби Страстной седмицы. Что ж, значит, возвращаемся. Знаете, у меня есть некоторые знакомые, которые в конце Страстной нередко говорили о том, что сожалеют о прошедшем времени поста, как времени, когда было столько возможностей хорошо подумать и многое пересмотреть. Но ведь Господь послал нам каждый день нашей жизни именно для этого самого, нет? Впрочем, я и сам такой.

Понедельник

Зря я настраивался на чтение о засохшей смоковнице в понедельник. Хорошие люди позвонили и сказали, что меня ждет некто Артур для того, чтобы увидеть, что же все-таки стряслось с машиной. Это хорошо. Один взгляд на проблему уже неплохо, а второй, независимый от него, — еще лучше. С учетом

уже имеющейся «истории болезни» было еще интереснее. Намечался гаражный день. Чтобы было понятно: Артур — человек «по знакомству». Во всех делах со станциями техобслуживания, ремонтов и прочего это играет очень важную роль. После очередного подъема автомобиля внезапно оказалось, что проблема, ранее поставленная на случайно выбранной станции, оказалась изрядно преувеличенной. Настолько, что цена вопроса внезапно обронила один лишний ноль. И не то чтобы там все было прямо на пустом месте, нет. Но в нашем случае, к примеру, действительно в срочной замене нуждались тормозные колодки, а не все подряд, как предполагалось ранее. А потому колодки в скором времени были приобретены и поставлены взамен старых, издававших те самые тревожные шумы. Как я сам этого не понял?

Что вы знаете о радости водителя, которому сказали, что «пациент скорее жив»? День заиграл особыми красками, солнце стало ярче, ветер свежее, и небо прозрачнее. Но на самом деле это значило еще и то, что я могу вернуться в привычный для меня ритм жизни, а самое главное: добираться в храм на другой конец Еревана стало вновь привычно проще и быстрее, что на этой неделе было особенно важным. Наша «смоковница» оказалась не такой уж и засохшей. Не чудо ли?



Фото: Андрей Мизюк

Вторник

Служим Благовещение. Праздник, который в календаре не так уж и часто выпадает на Страстную седмицу. Потому так непривычны синие облачения, потому и сама служба особенно переплетена с постовым строем. Да, Великим постом нередко, бывало, что и на Светлой седмице. Но на Страстную редко. Ехал загодя, стараясь опередить привычные утренние пробки. Большой радостью было присутствие наших прихожан. В будний день по нашим меркам это уже большой подвиг. Работа, повседневные дела. Мне и самому приходится выпадать из всех графиков, но с каждым часом службы, с каждым смыслом происходящего в ритме и сердце Страстной тебе становится понятно, как это на самом деле очень важно для тебя самого.

В конце Литургии говорю о том, что воспоминание о явлении

Архангела Деве именно в контексте Страстной седмицы особенно важно в осмыслении голгофской Жертвы, что смирение Неба и смирение человека в картине Благовещения есть ни что иное, как указание на грядущие в будущем Страдания самой Любви, которые были жизненно важны для перешедшего черту исключительного очерствения и омертвения духовного рода человеческого. Возможно, нам теперь не дано понять и доли такого смирения, потому что и само это понятие для нас чаще всего связано со стеснением и понуждением самих себя, но Сын Божий грядет «на вольную страсть» (дословно — добровольные страдания) именно по причине любви. Той любви, которая осталась, да и была единственным возможным средством и противостоянием смерти и злу.

Мы сегодня, нередко испрашивая у Бога научить нас смирению, к сожалению, забываем просить учить нас любви. А потому, получая просимое, но не имея главного, оказываемся в одиночестве и наедине со всеми теми вопросами, которые мы так часто адресуем Богу. О несправедливости, о беззаконии, о торжестве зла и обмана. И на эти вопросы мы часто, так бывает, сами себе уже ответили, а от Бога ждем лишь согласия с нашими умозаключениями. И в дни Страстной тебя внезапно озаряет: Он ведь дал совсем другой ответ. Он не сказал поднять добрую и справедливую дубину против черепа зла и тьмы. «Но ныне Царство Мое не от мира сего…»

А в каком из царств в эти дни мое сердце?

Среда

В составе трех человек молимся на последней в этом году Литургией Преждеосвященных Даров. За окном то и дело празднично звонят колокола храма Сурб Геворг, в той части церковного двора Светлая Пасхальная неделя, а у нас воспоминание о предательстве Иуды и размышления о том, что

не само действие или внезапный поступок отводят человека от Бога, а грех, который систематически отравляет жизнь нашей души, нанося ей до времени незримые увечья, но целенаправленно умерщвляя ее с каждым таким ударом. Мы видим умысел и поступок отпавшего из апостольского чина, но ведь показано же нам и то, как он пожалел о содеянном.

И вот вся беда в том, что мы редко видим в самих себе, насколько ржавчина и тлен уже изъели душу. Когда точка невозврата в каком-то смысле пройдена. Когда в суде и нестерпимой жалости к самому себе ты закрываешь двери перед Божиим милосердием и выносишь приговор, и исполняешь его в отношении самого себя сам. Один.

Господь вернул имя и апостольское достоинство своему отрекшемуся ученику Петру. Не ужасен ли и не постыден ли был его поступок, его действия там, во дворе первосвященника? Что же творилось и происходило в его душе в самый острый момент осознания совершенного?

В конце богослужения в заключительный раз произносится молитва преподобного Ефрема Сирина. А вместе с этими словами в душе остается еще один маленький вопрос к себе: все ли я получил и нашел из просимого в этой молитве за эти сорок дней? Вопрос, разумеется, уже который пост риторический, и ответом на него чаще всего бывает лишь вздох.



Фото: Андрей Мизюк

Четверг

Длинная и долгая утреня, мы ее служим утром, часы, в которых уже нет привычных кафизм, да и вообще в этом богослужении уже почти нет ни следа от великопостного устава. Седмица переломилась во вторую половину — к воспоминанию самых страшных событий и все же грядущей неминуемой Пасхе. Кажется, что время нажало на газ в пол, и вот — за спиной уже почти вся неделя. В алтаре оживление: приехали с мамами мальчишки-алтарники, о чем-то вполголоса разговаривают. Делаешь строгое лицо и обещаешь (шутя) незапланированную утреннюю гимнастику перед иконостасом, но сам радуешься всему этому оживлению и пусть небольшому, но все же количеству людей, которые ныне тоже участники Воспоминания о Тайной вечере.

В этот день у нас полнота собора, то есть целых два священника. А я после службы уезжаю на работу, мне еще забирать из школы пассажира, сына моего руководителя. Неожиданно меня угощают чаем, и мы с мамой пассажира разговариваем о Страстной неделе. Услышал одну очень интересную мысль: ведь именно в событиях Страстной недели мы видим не просто слабого и беззащитного Богочеловека, но и Того, Кому помогают, Того, Кто просит Сам, Того, Кого утешают. И если бы почаще вспоминали и об этом, то молитвы наши куда чаще были бы не только просительными, но и благодарственными. А ведь на самом деле: так ли уж часто мы благодарим? Ну если не считать вычитки благодарственных молитв после Литургии? Часто ли?

Пятница

Часы и Вечерня с выносом плащаницы.

Кажется, про время и педаль газа я не пошутил. Господи, где и когда мы «поймали это такси» и что там будет по счетчику в конце поездки?

Мы не знаем откуда, но, кажется, начинаем осознавать, куда мчимся. А за окно совсем не хочется смотреть. А Ты повелеваешь: иди и смотри. Почему, зачем?

Во время службы зашел диакон из соседнего армянского храма. Оказывается, каждый год именно в дни Страстной седмицы он приносит пожертвование: вино и масло для служб. Это необычайно трогательно и тепло. Я оборачиваюсь, он кивает в приветствии и улыбается, а я лишь успеваю сказать ему: «Христос воскрес!»

Пасха

Пока я писал эти строки, была еще пятница и целая суббота.

Господи, спасибо за пройденный путь и уроки, которые я,

кажется, опять не выучил. Но позволь мне все-таки приходить к Тебе гораздо чаще, чем студент-заочник приезжает на сессию.

Благодарю Тебя. Как могу.

И спаси нас. Как можешь.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:



«Он дал мне приют»

Священник Андрей Мизюк — о грузинском патриархе Илии II

11:37, 20 марта 2026, Андрей Мизюк



Самая долгая зима

Священник Андрей Мизюк — о временах страха

17:24, 28 февраля 2026, Андрей Мизюк